

Иван Тургенев

Воспоминания о Белинском

Иван Сергеевич Тургенев
Воспоминания о Белинском
Серия «Литературные и
житейские воспоминания»

Текст предоставлен правообладателем.
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3006255

Аннотация

«Личное мое знакомство с В. Г. Белинским началось в Петербурге, летом 1843 года; но имя его стало мне известным гораздо раньше. Вскоре после появления его первых критических статей в «Молве» и «Телескопе» (1836–1839) в Петербурге начали ходить слухи о нем как о человеке весьма бойком, горячем, который ни перед чем не отступал и нападал на «все» — на все в литературном мире, конечно...»

Содержание

Конец ознакомительного фрагмента.

13

Комментарии

Иван Сергеевич Тургенев

Воспоминания о Белинском

Личное мое знакомство с В. Г. Белинским началось в Петербурге, летом 1843 года; но имя его стало мне известным гораздо раньше^[1]. Вскоре после появления его первых критических статей в «Молве» и «Телескопе» (1836–1839)^[2] в Петербурге начали ходить слухи о нем как о человеке весьма бойком, горячем, который ни перед чем не отступал и нападал на «все» — на все в литературном мире, конечно. Другого рода критика была тогда немыслима — в печати. Многие, даже между молодежью, осуждали его и находили, что он слишком смел и далеко заносится; старинный антагонизм Петербурга и Москвы придавал еще более резкости тому недоверию, с которым читатели на берегах Невы относились к новому московскому светилу. Притом его плебейское происхождение (отец его был лекарь, а дед дьякон) возмущало аристократический дух, установившийся в нашей литературе с александровских времен, времен «Арзамаса»^[3] и т. п. В тогдaшнее темное, подпольное время сплетня играла большую роль во всех суждениях — литературных и иных... Известно, что сплетня и до сих пор не совсем утратила свое значение, исчезнет она только в лучах полной гласности и свободы. Целая легенда тотчас сложилась и о Белинском. Говорили, что он недоучившийся казенный студент, выгнан-

ный из университета тогдашним попечителем Голохвастовым за развратное поведение (Белинский – и развратное поведение!);^[4] уверяли, что и наружность его самая ужасная; что это какой-то циник, бульдог, призренный Надеждиным с целью травить им своих врагов; упорно, и как бы в укоризну, называли его «Беллыньским». Слышались, правда, голоса и в его пользу; помнится, издатель почти единственного тогдашнего толстого журнала отзывался о нем, как о птичке с ноготком, как о живчике, которого не худо бы завербовать, – что, как известно, и было впоследствии приведено в исполнение, к великому преуспеянию журнала и к великой выгоде самого... издателя^[5]. Что касается до меня, то знакомство мое с Белинским как писателем произошло следующим образом.

Стихотворения Бенедиктова появились в 1836 году маленькой книжечкой с неизбежной виньеткой на заглавном листе – как теперь ее вижу, – и привели в восхищение все общество, всех литераторов, критиков – всю молодежь. И я, не хуже других, упивался этими стихотворениями, знал многие наизусть, восторгался «Утесом», «Горами» и даже «Матильдой» на жеребце, гордившейся «усестом красивым и плотным». Вот, в одно утро, зашел ко мне студент-товарищ и с негодованием сообщил мне, что в кондитерской Беранже появился № «Телескопа» с статьей Белинского, в которой этот «критикан» осмеливался заносить руку на наш общий идол,

на Бенедиктова^[6]. Я немедленно отправился к Беранже, прочел всю статью от доски до доски – и, разумеется, также воспылал негодованием. Но – странное дело! – и во время чтения и после, к собственному моему изумлению и даже досаде, что-то во мне невольно соглашалось с «критиканом», находило его доводы убедительными... неотразимыми. Я стыдился этого, уже точно неожиданного впечатления, я старался заглушить в себе этот внутренний голос; в кругу друзей я с большей еще резкостью отзывался о самом Белинском и об его статье... но в глубине души что-то продолжало шептать мне, что *он был прав*... Прошло несколько времени – и я уже не читал Бенедиктова. Кому же не известно теперь, что мнения, высказанные тогда Белинским, – мнения, казавшиеся дерзкой новизною, – стали всеми принятым, общим местом – «a truism», как выражаются англичане? Под *этот* приговор подписалось потомство, как и под многие другие, произнесенные тем же судьей. Имя Белинского с тех пор уже не изгладилось из моей памяти, но личное наше знакомство началось позже.

* * *

Когда появилась та небольшая поэма «Параша», о которой я говорил выше^[7], я в самый день отъезда из Петербурга в деревню ходил к Белинскому (я знал, где он жил, но не посещал его и всего два раза встретился с ним у знакомых) и, не

назвавшись, оставил его человеку один экземпляр. В деревне я пробыл около двух месяцев и, получив майскую книжку «Отечественных записок», прочел в ней длинную статью Белинского о моей поэме. Он так благосклонно отозвался обо мне, так горячо хвалил меня, что, помнится, я почувствовал больше смущения, чем радости. Я не «мог поверить», и когда в Москве покойный Киреевский (И. В.) подошел ко мне с поздравлениями, я поспешил отказаться от своего детища, утверждая, что сочинитель «Параши» не я. Возвратившись в Петербург, я, разумеется, отправился к Белинскому, и знакомство наше началось. Он вскоре уехал в Москву – жениться, а возвратившись оттуда, поселился на даче в Лесном^[8]. Я также нанял дачу в первом Парголове и до самой осени почти каждый день посещал Белинского. Я полюбил его искренно и глубоко; он благоволил ко мне.

* * *

Опишу его наружность. Известный литографический едва ли не единственный портрет его дает о нем понятие неверное^[9]. Срисовывая его черты, художник почел за долг воспарить духом и украсить природу и потому придал всей голове какое-то повелительно-вдохновенное выражение, какой-то военный, чуть не генеральский поворот, неестественную позу, что вовсе не соответствовало действительности и нисколько не согласовалось с характером и обычаем Белин-

ского. Это был человек среднего роста, на первый взгляд довольно некрасивый и даже нескладный, худощавый, со впалой грудью и понурой головою. Одна лопатка заметно выдавалась больше другой. Всякого, даже не медика, немедленно поражали в нем все главные признаки чахотки, весь так называемый *habitus*¹ этой злой болезни. Притом же он почти постоянно кашлял. Лицо он имел небольшое, бледно-красноватое, нос неправильный, как бы приплюснутый, рот слегка искривленный, особенно когда раскрывался, маленькие частые зубы; густые белокурые волосы падали клоком на белый, прекрасный, хоть и низкий лоб. Я не видал глаз более прелестных, чем у Белинского. Голубые, с золотыми искорками в глубине зрачков, эти глаза, в обычное время полужакрытые ресницами, расширялись и сверкали в минуты воодушевления; в минуты веселости взгляд их принимал пленительное выражение приветливой доброты и беспечно-го счастья. Голос у Белинского был слаб, с хрипотой, но приятен; говорил он с особенными ударениями и придыханиями, «упорствуя, волнуясь и спеша»^{2[10]}. Смеялся он от души, как ребенок. Он любил расхаживать по комнате, постукивая пальцами красивых и маленьких рук по табакерке с русским табаком. Кто видел его только на улице, когда, в теплом картузе, старой енотовой шубенке и стоптанных калошах, он торопливой и неровной походкой пробирался вдоль стен и

¹ наружный вид (*лат.*).

² Стих Некрасова. (*Прим. И. С. Тургенева.*)

с пугливой суровостью, свойственной нервическим людям, озирался вокруг, – тот не мог составить себе верного о нем понятия, – и я до некоторой степени понимаю восклицание одного провинциала, которому его указали: «Я только в лесу таких волков видывал, и то травленных!» Между чужими людьми, на улице, Белинский легко робел и терялся. Дома он обыкновенно носил серый сюртук на вате и держался вообще очень опрятно. Его выговор, манеры, телодвижения живо напоминали его происхождение; вся его повадка была чисто русская, московская; недаром в жилах его текла беспримесная кровь – принадлежность нашего великорусского духовенства, столько веков недоступного влиянию иностранной породы.

* * *

Белинский был – что у нас редко – действительно страстный и действительно искренний человек, способный к увлечению беззаветному, но исключительно преданный правде, раздражительный, но не самолюбивый, умевший любить и ненавидеть бескорыстно. Люди, которые, судя о нем наобум, приходили в негодование от его «наглости», возмущались его «грубостью», писали на него доносы, распространяли про него клеветы, – эти люди, вероятно, удивились бы, если б узнали, что у этого циника душа была целомудренная до стыдливости, мягкая до нежности, честная до рыцар-

ства; что вел он жизнь чуть не монашескую, что вино не касалось его губ. В этом последнем отношении он не походил на тогдашних москвичей. Невозможно себе представить, до какой степени Белинский был правдив с другими и с самим собою; он чувствовал, действовал, существовал только в силу того, что он признавал за истину, в силу своих принципов. Приведу один пример. Вскоре после моего знакомства с ним его снова начали тревожить те вопросы, которые, не получив разрешения или получив разрешение одностороннее, не дают покоя человеку, особенно в молодости: философические вопросы о значении жизни, об отношениях людей друг к другу и к божеству, о происхождении мира, о бессмертии души и т. п. Не будучи знаком ни с одним из иностранных языков (он даже по-французски читал с великим трудом) и не находя в русских книгах ничего, что могло бы удовлетворить его пытливость, Белинский поневоле должен был прибегать к разговорам с друзьями, к продолжительным толкам, суждениям и расспросам; и он отдавался им со всем лихорадочным жаром своей жаждавшей правды души. Таким именно путем он, еще в Москве, усвоил себе, между прочим, главные выводы и даже терминологию гегелевской философии, беспрекословно царившей тогда в умах молодежи. Дело не обходилось, конечно, без недоразумений, иногда даже комических: друзья-наставники Белинского, передававшие ему всю суть и весь сок западной науки, часто са-

ми плохо и поверхностно ее понимали;³ но уже Гете сказал, что —

Ein guter Mann in seinem dunklen Drange
Ist sich des rechten Weges wohl bewusst...⁴

а Белинский был именно ein guter Mann, — был правдивый и честный человек. К тому же его в этих случаях выручал замечательный инстинкт, которым он был одарен; но об этом речь впереди. Итак, когда я познакомился с Белинским, его мучили сомнения^[11]. Эту фразу я часто слышал и сам употреблял не однажды, но в действительности и вполне она применялась к одному Белинскому. Сомнения его именно мучили его, лишали его сна, пищи, неотступно грызли и

³ Много хлопот тогда наделало в Москве известное изречение Гегеля: «Что разумно — то действительно, что действительно — то разумно». С первой половиной изречения все соглашались, но как было понять вторую? Неужели же нужно было признать все, что тогда существовало в России, за разумное? Толковали, толковали и порешили: вторую половину изречения *не допустить*. Если б кто-нибудь шепнул тогда молодым философам, что Гегель *не все существующее признает за действительное*, — много бы умственной работы и томительных прений было сбережено; они увидали бы, что эта знаменитая формула, как и многие другие, есть простая тавтология и, в сущности, значит только то, что «*opium facit dormire, quare est in eo virtus dormitiva*» — то есть опиум заставляет спать по той причине, что в нем есть снотворная сила (Мольер)*. (Прим. И. С. Тургенева.)* Из комедии Мольера «Мнимый больной» (третья интермедия).

⁴ Добрый человек и в неясном своем стремлении всегда имеет сознание прямого пути*. (Прим. И. С. Тургенева.)* Из «Фауста» Гете (Пролог на небесах) в переводе Тургенева.

жгли его; он не позволял себе забыться и не знал усталости; он денно и ночью бился над разрешением вопросов, которые сам задавал себе. Бывало, как только я приду к нему, он, исхудалый, больной (с ним сделалось тогда воспаление в легких и чуть не унесло его в могилу), тотчас встанет с дивана и едва слышным голосом, беспрестанно кашляя, с пульсом, бившим сто раз в минуту, с неровным румянцем на щеках, начнет прерванную накануне беседу. Искренность его действовала на меня, его огонь сообщался и мне, важность предмета меня увлекала; но, поговорив часа два, три, я ослабевал, легкомыслие молодости брало свое, мне хотелось отдохнуть, я думал о прогулке, об обеде, сама жена Белинского умоляла и мужа и меня хотя немножко погодить, хотя на время прервать эти прения, напоминала ему предписание врача... но с Белинским сладить было нелегко. «Мы не решили еще вопроса о существовании бога, – сказал он мне, однажды с горьким упреком, – а вы хотите есть!..» Сознаюсь, что, написав эти слова, я чуть не вычеркнул их при мысли, что они могут возбудить улыбку на лицах иных из моих читателей... Но не пришло бы в голову смеяться тому, кто сам бы слышал, как Белинский произнес эти слова; и если, при воспоминании об *этой*

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.

Комментарии

1.

О знакомстве Тургенева с Белинским см. с. 672.

2.

В «Молве» и «Телескопе» Белинский печатался в 1834–1836 гг.

3.

В литературном обществе «Арзамас», существовавшем в 1815–1818 гг., объединились писатели-дворяне, последователи Карамзина (Жуковский, Вяземский, молодой Пушкин и др.), представители передового в то время литературного направления.

4.

Об исключении Белинского из университета см. прим. 6 к с. 103.

5.

Имеется в виду издатель «Отечественных записок» А. А. Краевский.

6.

«Стихотворения Владимира Бенедиктова» вышли в свет в 1835 г. В № 11 «Телескопа» за тот же год была

напечатана статья Белинского с трезвой оценкой поэзии Бенедиктова и причин ее успеха. О своей реакции на эту статью Тургенев также вспоминал в 1856 г. (письмо к Л. Н. Толстому от 16/28 декабря): «...знаете ли Вы, что я целовал имя Марлинского на обертке журнала – плакал, обнявшись с Грановским, над книжкой стихов Бенедиктова и пришел в ужасное негодование, услышав о дерзости Белинского, поднявшего на них руку? Вы, стало быть, видите, что сказанное им тогда казалось новизною неслыханною» (Тургенев. Письма, т. III, с. 61). О совместном с Грановским чтении стихотворений Бенедиктова – «имя которого теперь если не безызвестное, то уже отзвучавшее – прогремело тогда по всей России» – Тургенев рассказал в статье 1855 г. «Два слова о Грановском» (Тургенев. Соч., VI, 372).

7.

Имеется в виду заметка «Вместо вступления» к «Литературным и житейским воспоминаниям», которая начинается упоминанием о «Параше»: «...этою поэмой я вступил на литературное поприще».

8.

Тургенев смещает события: летом 1843 г. Белинский ездил в Москву не жениться, а делать предложение М. В. Орловой; свадьба их состоялась в ноябре в Петербурге. На даче в

Лесном Белинский жил уже в 1844 г.

9.

Тургенев говорит об известном портрете, выполненном художником К. Горбуновым в 1843 г. (см. фронтиспис). Портрет не нравился и Кавелину, который считал, что он лишь напоминает Белинского («Русская мысль», 1882, № 9). Однако среди прижизненных портретов Белинского этот – наиболее достоверный (см. ЛН, 57, 364–366).

10.

Стр. 486. Из стихотворения Некрасова «Памяти друга» (то есть Белинского) (1853).

11.

Тургенев не ставит перед собой цели раскрыть содержание своих философских бесед с Белинским. Он останавливает внимание на самом факте «мучительных сомнений» Белинского и воссоздает их очень живо. Однако некоторые детали позволяют сделать предположение о характере тех вопросов, над разрешением которых билась в это время мысль Белинского. Критик «сомневался» в своем философском мировоззрении вообще – он преодолевал прежние идеалистические представления. Очевидно, с этим было связано и обсуждение «вопроса о существовании бога», тем более что сравнительно недавно Белинский

познакомился с сочинениями Фейербаха (см. прим. 83 к с. 412), а также, вероятно, левогегельянцев Д. Штрауса и Б. Бауэра. Тургенев, безусловно, знакомил Белинского с передовыми течениями немецкой философской мысли.